

II. Революционные демократы и библиография

1. Н. Г. Чернышевский

¹ — Чернышевский начал свои библиографические занятия также, как позднее Писарев, случайно, в поисках литературного заработка <...> В том и другом журнале Чернышевский начал работать в критико-библиографическом отделе.

М. В. Машкова в монографии о Н. В. Здобнове пишет: «Сломав привычные представления, он ввел в историю русской библиографии страницы, посвященные журнально-критической (выделено мной. — Л. Р.) деятельности Ломоносова, Пушкина, Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева. Начало этому было положено в его статье „Добролюбов и библиография“ (1936), до появления которой ни в одном историко-библиографическом очерке имени Добролюбова не встречалось (а также и Чернышевского. — Л. Р.)».⁽¹⁾ А. Г. Фомин, упоминая в своей программе о «нападках» Добролюбова на библиографию 1850-х гг., отнюдь не рассматривал революционных демократов, и в частности Н. А. Добролюбова, как библиографов.⁽²⁾ Исследователь творчества Добролюбова, С. А. Рейсер, отмечая отсутствие четкого водораздела между библиографией и литературоведением середины XIX в., писал: «В этом своеобразном синкретизме источник многих недоразумений, связанных со спора-

ми об отношении революционных демократов к библиографии; порой же происходит прямая *подмена* (выделено мной — Л. Р.) терминов, из-за чего В. Г. Белинский и его ученики и продолжатели оказываются превращенными в профессиональных библиографов, которыми они никогда не были».⁽³⁾ Приходится констатировать, что текст Здобнова подтверждает это мнение. В главе, посвященной Н. Г. Чернышевскому, речь идет, конечно, не о библиографии, а о критико-рецензентской деятельности Чернышевского в «Отечественных записках» и «Современнике». Приводя обширнейшие выписки из отзывов критика на различные книги, Здобнов сам опровергает факт библиографической деятельности своего героя. Ничего не доказывает и тот факт, что Чернышевский заведовал отделами критики и библиографии; называть подобных лиц «библиографами» было в традициях середины XIX в.

Суть заключается в том, что Здобнов активно пропагандировал и в разработанной им классификации видов библиографии в качестве одного из основных выделял так называемую «критическую библиографию», к которой относили рецензии, публиковавшиеся на страницах периодических изданий и целиком отделы критики и библиографии в периодических изданиях. Машкова называет эту библиографию «журнально-критической».

В сущности, в работах Здобнова мы имеем дело с неким возвратом к взглядам столетней давности, когда библиографическими назывались и критические работы. Это объяснялось не столько слабостью теории библиографии, которая тогда еще находилась в младенческом состоянии, сколько бытовавшей практикой, когда одно и то же лицо могло выступать в качестве библиографа, литературоведа, текстолога и критика. Затем эти области разъединились и обрели статус самостоятельных дисциплин, но в 1930-е гг., когда Здобнов приступил к созданию «Истории русской библиографии», ему потребовалась некая идеологическая «подпитка», которая и была найдена в лице критики. Это делалось во имя поднятия престижа библиографии как общественного явления. Не умея сформулировать причины, которые объяснили бы ценность библиографии ее собственными, внутренними достоинствами, и боясь, что ее могут счесть недостаточно идейно значимой, сторонники «критической библиографии» присоединяли к ней и «малую критику» (В. Г. Белинский), или рецензию. Все эти идеологические и историко-культурные «костыли» давно вышли из употребления, а сама «критическая библиография» была отвергнута в ходе дискуссии 1960–1970-х гг. подавляющим большинством библиографоведов, которые назвали ее мифической областью библиографии. Расширенное толкование понятия «библиография» давало возможность говорить не только о «библиографической деятельности» Чернышевского и Добролюбова, — в 1949 г. была защищена диссертация на тему «Пушкин и библиография»!⁽⁴⁾

В истории науки (и не только гуманитарной) бытуют порой упорные предрассудки, уже, казалось бы, давно опровергнутые фактами, но привычные и удобные; к ним относится и тема «Революционные демократы и библиография».

² — В первых же рецензиях Чернышевский поднял знамя Белинского и воскресил его боевые традиции в области библиографии.

Эпоху середины XIX в. и роль революционных демократов в общественной жизни того периода Здобнов характеризует в соответствии с официальными идеологическими установками своего времени. А между тем оценка ситуации середины XIX в. может быть и иной.⁽⁵⁾ Чернышевский и Добролюбов считали себя последователями Белинского (что весьма сомнительно); известно, что Чернышевский выступил в «Современнике» с циклом статей «Очерки гоголевского периода русской литературы», который, по сути, был посвящен Белинскому. Считая себя главным хранителем наследия великого критика, он чрезвычайно болезненно относился к любым попыткам пересмотра или исправления положений, выдвинутых Белинским. Между тем, наступил момент, когда стало ясно, что на одних эстетических или социологических теориях невозможно построить научно обоснованную историю литературы. Молодые ученые середины века, считавшие себя библиографами (о них см. примеч. 1 к гл. 1 «Увлечение книжной стариной» раздела «50-е годы»), с уважением относившиеся к памяти Белинского (достаточно прочесть очерк о нем в «Справочном словаре о русских писателях и ученых...» Г. Н. Геннади или отзыв о Белинском в двух больших рецензиях М. Н. Лонгинова на выход в свет очередных томов его сочинений), понимали, что таланта, догадок и прозрений

«неистового Виссариона» уже недостаточно для построения науки о литературе. Оставляя неизблемыми труды Белинского, библиографы стремились создавать работы, основанные на фактах, которые были ранее неизвестны и без которых литературоведение не могло развиваться.

А. Н. Пыпин также указывал на подобное обстоятельство. «Его (Белинского. — Л. Р.) определение старой литературы должно было быть дополнено изучением другой стороны литературного развития, которая была оставлена им без внимания как не входившая в его прямую задачу. И это дополнение брала на себя группа новых исследователей».⁽⁶⁾ Пыпин, будучи историком литературы и общественных движений, прекрасно это понимал, но Чернышевский, никогда историей литературы не занимавшийся, не мог допустить даже малейшей критики в адрес «учителя», считая это посягательством на его авторитет и «предательством заветов».

³ — Эта рецензия замечательна в том отношении, что в ней, критически принимая культурное наследство, Чернышевский, в то время уже фейербахианец, в форме рекомендации религиозной книги прославляет великих просветителей XVIII века...

Речь идет о рецензии Чернышевского на книгу М. Мендельсона «Федон, или О бессмертии души», переведенную с немецкого В. Мызниковым и изданную в Тифлисе в 1854 г.

При подготовке 2-го издания «Истории...» в первое издание были вплетены чистые листы, на которые заносились многочисленные замечания рецензентов — П. Н. Беркова, Б. С. Боднарского, Б. П. Козьмина, сотрудников БАН, ремарки Н. И. Здобновой, и в соответствии с этими замечаниями исправлялся и редактировался текст «Истории...». Рецензентам показалась сомнительной, бросающей тень на репутацию Чернышевского, его характеристика, данная Здобновым. На соответствующем листе содержится помета: «Вычеркнуть слова „в то время уже фейербахианец“. Козьмин».⁽⁷⁾ По предложению Б. П. Козьмина в последующих изданиях «Истории...» эти слова были исключены из текста. (В условиях проводившейся в конце 1940-х гг. кампании по борьбе с низкопоклонством перед Западом Чернышевский не мог быть «фейербахианцем».)

⁴ — Так начал свою критико-библиографическую деятельность великий революционный демократ в то время, когда многие из его сверстников приходили в бешеный восторг от библиографических диковинок и курьезов, вытравляли из библиографии ее жизненное значение.

Подобно Белинскому, Чернышевский смотрел на библиографию как на общественно-политическую трибуну. Он также нередко пользовался книгами как поводом для пропаганды своих идей.

Об увлечении молодежи середины XIX в. библиографическими диковинками и курьезами см. примеч. 1 к гл. 1 «Увлечение книжной стариной» раздела «50-е годы».

Рассматривая библиографию как общественно-политическую трибуну и предлагая Н. А. Некрасову писать в отделе критики и библиографии только о книгах, по поводу которых ему можно было бы высказаться как политологу и социологу, Чернышевский по сути лишал отдел библиографии информационного значения, превращая его в чистую публицистику. Это правомерно с точки зрения критики, но не соответствовало задачам библиографии.

⁵ — В том же году в «Заметках о журналах» Чернышевский уже более прямо начинает говорить о крепостном праве, пользуясь разными литературными поводами, а в 1858 г., когда печать получила возможность обсуждать вопрос о предстоявшем освобождении крестьян <...> печатает свои четыре больших обзора под заглавием: «Библиография журнальных статей по вопросу об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян». Это была первая библиография крестьянского вопроса. Начатая в июльской книжке «Современника» за 1858 г., она прекратилась также в июльской книжке за 1859 г. Вскоре прекратились и другие статьи Чернышевского по крестьянскому вопросу. Вместе с Чернышевским замолчал по нему и «Современник».

«Заметки о журналах» публиковались в «Современнике» не только в 1856, но и в 1857 г. (по № 7 включительно). Большая часть этих заметок действительно принадлежит Чернышевскому — и одному, и в соавторстве с другими лицами: Н. А. Некрасовым, Н. А. Добролюбовым, В. П. Боткиным и др.⁽⁸⁾

Что касается упоминаемых Здобновым обзоров, то их было не четыре, а пять — один под заглавием «Библиография журнальных статей по вопросу об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», опубликованный в июльском номере журнала «Современник» за 1858 г.⁽⁹⁾ (в отделе «Смесь»; общее заглавие материала — «Устройство быта помещичьих крестьян»; в 1–3-м изданиях «Истории...» в сноске этот обзор пропущен) и четыре под заглавием «Библиография журнальных статей по крестьянскому вопросу».⁽¹⁰⁾ Несмотря на то, что эти обзоры вошли в «Полное собрание сочинений» Н. Г. Чернышевского (подготовленное М. Н. Чернышевским),⁽¹¹⁾ В. Э. Боград, атрибутируя эти статьи, предполагал, что их авторами могли быть Ф. Н. Ненарокомов и П. С. Шульц; фамилия Чернышевского у него не фигурирует.⁽¹²⁾ В подразделе «Устройство быта помещичьих крестьян», который имел сквозную нумерацию, помимо указанных библиографических обзоров, публиковались и другие материалы; соответственно обзоры помещены в выпусках подраздела № II, IV, V, VII и X. Если Боград прав и обзоры написаны не Чернышевским, то пафос Здобнова по поводу публикаций Чернышевского по крестьянскому вопросу неуместен.

Иными причинами объясняется и прекращение публикаций по данной теме в «Современнике». В 1858 г. было объявлено высочайшее повеление: статьи, «где будут разбирать, осуждать и критиковать распоряжение правительства по этому [крестьянскому] вопросу к напечатанию не допускать».⁽¹³⁾ Запрещена была даже перепечатка программы исследования Академии наук по изучению способов отмены крепостной зависимости крестьян в странах Западной Европы. К публикации допускались только научные, теоретические, и статистические работы (книги и статьи) по вопросам сельского хозяйства, в том числе по организации производственных циклов и по переработке сельскохозяйственной продукции.⁽¹⁴⁾ Вполне вероятно, что прекращение публикаций по крестьянскому вопросу в «Современнике» объяснялось именно этим запретом, а не сознательной позицией Чернышевского, как это пытался представить Здобнов.

⁶ — До сих пор мы говорили о критико-библиографической деятельности Чернышевского; но его интересовала не только критическая, а также и учетно-регистрационная библиография. Правда, сам он ею почти не занимался, но посвятил ей ряд весьма ценных для нас рецензий. Чернышевский относился отрицательно только к тем уродливым формам библиографии, которые на почве увлечения старинной книгой стали нарождаться в 50-х годах...

Об основных тенденциях развития библиографии середины XIX в. см. примеч. 1, 2, 6, 8, 15, 19 к гл. 1 «Увлечение книжной стариной» раздела «50-е годы».

Естественно, что Чернышевский, как всякий образованный человек, литератор, ценил толковые библиографические указатели и положительно о них отзывался. Известно также, что при всем уважении, которое испытывал Чернышевский к Добролюбову, он считал необходимым смягчать грубые нападки молодого критика на библиографию; Добролюбов объяснял это «уважением к библиографам» (см. примеч. 10). Между тем, и у самого Чернышевского были претензии к современной ему библиографии. В чем они выражались и на чем базировались, Здобнов не объяснил, ограничившись лишь упоминанием об «уродливых формах библиографии».

Чернышевский писал: «Прославившиеся в то время библиографы были превозносимы особенно за то, что чрез них *критическая история* (выделено мной. — Л. Р.) нашей литературы выдвигается на основании совершенно новом — на основании разработки фактов, о необходимости которых (будто бы) прежде у нас и не думали, считая (будто бы) подробное исследование фактов бесполезным. К этим похвалам присоединялись упреки Белинскому за то, что он сам (будто бы) пренебрегал разработкою фактов, показывал (будто бы) бесполезность ее».⁽¹⁵⁾ Все это, конечно, не соответствовало действительности, однако любопытно отметить, что подобным нападкам библиографическое направление подвергалось и со стороны других друзей Белинского, представителей эстетической критики — В. П. Боткина, П. В. Анненкова, которые не могли пережить переход литературоведения из области «парений духа» на жесткие рельсы науки.

Зародившись как ветвь публицистики, критика в России была больше озабочена общественными вопросами, чем литературно-художественным анализом произведений русских

писателей. Взяв у Белинского самые слабые его стороны, Чернышевский и Добролюбов выбросили за борт эстетическую сторону сочинений великого критика. Использование отделов библиографии в качестве скрытой общественно-политической трибуны, за которое так превозносили Чернышевского и Добролюбова советские историки, уже в конце 1850 — начале 1860-х гг. было анахронизмом. Если Белинский в условиях николаевской цензуры был вынужден так поступать, то после падения николаевского режима это стало излишним: журналы получили большую свободу действий, им разрешено было иметь разделы, посвященные современному состоянию России, и роль отделов критики и библиографии как рупора общественного мнения значительно уменьшилась. Но традиции, заложенные революционными демократами, оказались чрезвычайно живучими и возродились в 1930-е гг. Тогда считалось, что способность оказывать идеологическое воздействие повышает значение критики. Следует признать, что симбиоз литературной истории и критики в какой-то мере сохранился и в наше время.

⁷ — Эта рецензия положила начало длительной борьбе против указанных в ней библиографических перегибов. В данном случае Чернышевский имеет в виду не только библиографические (в тесном смысле слова), но и текстологические детали, которыми особенно увлекались в 50-х годах. Нужно сказать, что в то время нарождавшаяся у нас текстология относилась к библиографии, и только в новейшее время первую стали выделять из второй под влиянием формалистических и узко-каталогизаторских тенденций в библиографии.

Приводя цитату из рецензии Чернышевского на «Материалы для биографии А. С. Пушкина» П. В. Анненкова, Здобнов выделил следующие слова: «Растерявшись во множестве мелочных подробностей, каждый автор был не в силах обработать предмет с общей точки зрения, и обременял свою статью бесчисленными библиографическими подробностями...».⁽¹⁶⁾ Здобнов верно отметил, что в то время текстология зародилась и постепенно формировалась в рамках «библиографического» комплекса дисциплин, однако непонятно почему нужно было определять тенденции ее формирования как «формалистические» и «узко-каталогизаторские». Зарождающаяся литературная наука требовала фактов, фактов и еще раз фактов, независимо от того, крупными или мелкими они выглядели в глазах журналистов. Нельзя не согласиться с мнением А. М. Штейнгольд, автора исследования, посвященного М. Л. Михайлову. Она пишет: «Достигнутый при Белинском уровень историко-литературной науки требовал изучения процесса развития литературы, в котором на характер связей могли влиять разные, подчас кажущиеся малозначительными факты. Потребности науки родили живой интерес к конкретному материалу <...> Принявший широкий размах интерес к старине, тщательные поиски неизвестных литературных фактов, стремление выявить новые стороны и связи в литературном процессе привели в эти годы к отделению науки о литературном прошлом от критики, к созданию русской литературоведческой библиографии».⁽¹⁷⁾ Именно тогда и стала выделяться из «библиографического» комплекса дисциплин текстология.

⁸ — Чернышевский отнюдь не противник «основательных библиографических исследований». Он противник только подмены этих исследований псевдонаучными библиографическими нагромождениями. В 1856 г. в рецензии на книгу Н. Булича «Значение Пушкина в истории русской литературы» он писал: «...Библиография прекрасное дело, но только тогда, когда ею занимаются серьезно...».

Книга, о которой пишет Здобнов, это опубликованная в «Отчете о состоянии Императорского Казанского университета за 1853–1854 учебный год» и отдельным оттиском (Казань, 1855) речь экстраординарного профессора русской словесности Н. Н. Булича «Значение Пушкина в истории русской литературы. (Введение в изучение его сочинений)», которая была произнесена в торжественном собрании Императорского Казанского университета 9 октября 1855 г.

В предварительном варианте текста Здобнов привел более полную цитату из рецензии на нее Чернышевского: «Не потому чувствовали мы всегда какое-то предубеждение к специалистам, занимающимся историею нашей литературы, что не уважали их, а потому, что знание делает этих людей слишком требовательными <...> Есть и другая причина недоверия нашего к этим специалистам: они увлекаются любовью к своему предмету до того, что при-

ходят в восторг от каждого, кто говорит с ними о библиографии, верят ему на слово, что он занимается историей литературы, готовы хвалить пустую книгу, если только автор наговорит им, что он библиограф. Это даже недостаток: библиография прекрасное дело, но только тогда, когда ею занимаются серьезно...».⁽¹⁸⁾ Видимо, этим Здобнов хотел еще раз подчеркнуть, что Чернышевский критически относился не к библиографии как таковой, а к отдельным «перегибам» со стороны библиографов. Однако непонятно, что имел в виду Здобнов, говоря о «псевдонаучных библиографических нагромождениях», и как такие нагромождения возможны в библиографии.

⁹ — В 1856 г. Чернышевский написал рецензию на известный «Указатель для обозрения Московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки», составленный архимандритом Саввою (М. 1855). «Патриаршая, или Московская синодальная библиотека, — пишет Чернышевский, — есть одна из важнейших в России по количеству и древности своих рукописей <...> Поэтому архимандрит Савва, издав краткое описание важнейших вещей и духовных рукописей, хранящихся в этом драгоценном собрании, оказал довольно значительную услугу русским археологам и людям, занимающимся историей литературы».

При подготовке 2-го издания «Истории..» приведенный Здобновым фрагмент из рецензии Чернышевского был исключен. В экземпляре 1-го издания с вклеенными чистыми листами, содержащими замечания рецензентов, против этой цитаты помета: «убрали?»⁽¹⁹⁾

¹⁰ — Показательно, что Чернышевский, редактируя статью Добролюбова о «Собеседнике любителей русского слова» в 1856 г., выкинул из нее следующие чрезмерно острые строки с резко отрицательным отношением к библиографическим указателям как форме научной работы <...> По словам Добролюбова, эти строки редакция (т. е. Чернышевский) выкинула «по уважению к библиографам».

Очевидно, не «уважением к библиографам», а каким-то другими причинами руководствовался Чернышевский, когда вычеркивал приведенные Добролюбовым строки. В частном письме (1853 г.) Чернышевский писал: «Как пример перемены, происшедшей во всех областях умственной деятельности, укажу вам на современное направление литературной критики. Она обратилась в чистую библиографию. Место Белинского занимают теперь Геннади и Тихонравов, знающие наизусть Сопикова и Смирдинский каталог с двумя прибавлениями <...> Эти господа с презрением смотрят на прежние стремления людей, занимающихся критикой как средством распространения человеческого взгляда на вещи».⁽²⁰⁾ Конечно, библиографы середины XIX в. не занимались критикой-публицистикой; у них были свои задачи, не менее общественно значимые, но это не значит, что они «с презрением» относились к тем, кто занимался критикой, и в первую очередь к Белинскому. С середины 1840-х гг. Белинский воспринимался интеллигенцией в качестве эталона критика. Однако глубоко уважая покойного критика, библиографы отказывались считать его непогрешимым. Чернышевский этого не принимал, и отсюда все его нападки на современных ему библиографов.

¹¹ — ...в конце 1859 г. Чернышевский взялся за новую библиографическую работу: статистико-библиографическое изучение географического распространения русской периодики.

Желая во что бы то ни стало «привязать» Чернышевского к истории библиографии, Здобнов вменяет ему в заслугу публикацию статистических сведений о числе подписчиков на «Современник», которые к библиографии не имеют никакого отношения. Так что, строго говоря, кроме нескольких (весьма толковых) рецензий на указатели, у нас нет ничего, что оправдывало бы тему «Н. Г. Чернышевский и библиография», искусственно сконструированную Здобновым в угоду сложившейся в 1930-е гг. конъюнктуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Машкова М. В. Н. В. Здобнов (1888–1942): очерк жизни и деятельности. М., 1959. С. 86.

(2) Фомин А. Г. Библиография: программа. Л., 1926. С. 19.

(3) Рейсер С. А. Палеография и текстология нового времени. М., 1970. С. 113.

(4) См.: Горецкий А. Н. Пушкин и библиография: дис. ... канд. пед. наук по библиографии / Ульянов. гос. пед. ин-т. Ульяновск, 1947. 149 л.

- (5) См.: Равич Л. М. Злоключения Клио в лесах российской библиографии // Историко-библиографические исследования : сб. науч. тр. / РНБ. 1998. Вып. 7. С. 33–62.
- (6) Пытин А. Н. Мои заметки. М., 1910. С. 71.
- (7) АКБ БАН. Ф. 1 (Н. В. Здобнов). Оп. 1. Ед. хр. 265. Л. 19 об.
- (8) См.: Боград В. Э. Журнал «Современник», 1847–1866 : указ. содерж. М. ; Л., 1959. С. 291, 293, 295 и др.
- (9) «Современник». 1858. Т. 70, июль (№ 7). Отд. «Смесь». С. 25–36.
- (10) Там же. 1858. Т. 71, октябрь (№ 10). Отд. «Современные заметки». С. 8–32; Т. 72, ноябрь (№ 11). Отд. «Современные заметки». С. 64–94; 1859. Т. 73, февраль (№ 2). Отд. «Современное обозрение». С. 75–106; Т. 76, июль (№ 7). Отд. «Современное обозрение». С. 1–34.
- (11) См.: Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений... СПб., 1906. Т. 4. С. 146–153; 259–277; 398–421; 500–525.
- (12) Боград В. Э. Журнал «Современник»... С. 341, 346, 348, 354, 362.
- (13) Сборник постановлений и распоряжений по цензуре с 1720 по 1862 год. СПб., 1862. С. 422–423.
- (14) См.: Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. Кн. 1. Журналистика в контексте наукотворчества в России XVIII–XIX вв. М., 1998. С. 321.
- (15) Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. М., 1947. Т. 3. С. 272–273.
- (16) Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений... СПб., 1906. Т. 1. С. 248.
- (17) Штейнгольд А. М. М. Л. Михайлов — литературный критик : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1971. С. 10.
- (18) Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений... СПб., 1906. Т. 2. С. 375.
- (19) АКБ БАН. Ф. 1 (Н. В. Здобнов). Оп. 1. Ед. хр. 265. Л. 23.
- (20) Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений. М., 1950. Т. 15. С. 905.